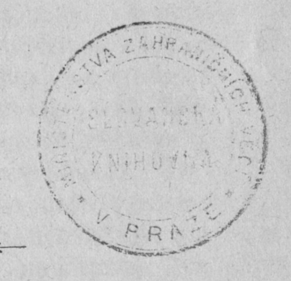
ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XC

1902

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

1902

ВѢРА ИВАНОВНА АННЕНКОВА.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 25 СЕНТЯБРЯ 1902 Г. СПБ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ВѢРѢ ИВАНОВНѢ АННЕНКОВОЙ.

Это было десять лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ смерти моего друга Екатерины Алексѣевны Сысоевой, когда, не успѣвъ еще оправиться отъ тяжелой утраты, я относилась съ особенною нѣжностью ко всему и ко всѣмъ, кто ей былъ близокъ. Она была женщина весьма общительная, знакомыхъ и друзей у нея было много, и между ними мнѣ была особенно симпатична одна личность, знакомствомъ съ которой я особенно дорожила. Однажды она пріѣхала ко мнѣ съ такимъ заявленіемъ:

— Я къ вамъ отъ Вѣры Ивановны Анненковой. Она очень желаетъ съ вами познакомиться.

— Кто это такая Вѣра Ивановна Анненкова?—спросила я.

— Вы не знаете Вѣры Ивановны Анненковой?—удивилась моя гостья.—Всѣ ее знаютъ. Ей попался въ руки «Русскій Вѣстникъ» съ вашимъ романомъ; она имъ заинтересовалась и, когда я ей сказала, что васъ знаю, выразила желаніе съ вами познакомиться. Я начала было ей объяснять, что вы ведете замкнутую жизнь и новыхъ знакомствъ избѣгаете, но она и слушать меня не захотѣла, твердитъ все свое: «Привези ее. Скажи ей, что мнѣ восемьдесятъ лѣтъ, она пойметъ, что такой старухѣ нельзя отказать, и пріѣдетъ».

— Вы бы съ этого начали, что ей восемьдесятъ лѣтъ,—замѣтила я, окончательно побѣжденная логичностью аргумента.

— Поѣдете?

— Непремѣнно.

— Вы не пожалѣете, что познакомились съ нею.

Она не ошиблась. Знакомство съ Вѣрой Ивановной доставило мнѣ много отрадныхъ минутъ. Я нашла въ ней женщину съ замѣчательно свѣтлымъ умомъ, золотымъ сердцемъ и съ нѣжнѣйшей юной душой, одаренною необычайною памятью и наблюдательностью, и яркимъ талантомъ передавать испытанныя впечатлѣнія. Ко всему прекрасному относилась она страстно, и когда приходилось слушать ее, забывались и старость ея, и немощи. Какъ живая, вставала передо мною ея молодость, съ чарующей прелестью веселаго, жизнерадостнаго темперамента.

А вмѣстѣ съ тѣмъ и, можно сказать, превыше всего этого я нашла въ ней русскую женщину въ самомъ благородномъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова. Способностью любить и понимать Россію она обладала въ такомъ совершенствѣ, что всѣ остальныя ея свойства, умъ, безконечная доброта, блестящее воспитаніе, остроуміе, все это блѣднѣло передъ величіемъ и искренностью ея чисто русскаго міросозерцанія. Для нея русскій духъ былъ превыше всего. Вѣра въ развитіе и въ безсмертіе этого родного ей духа и въ конечное его торжество надъ всѣми вражескими кознями мнимаго прогресса, надъ всѣми усиліями затмить его и извратить тупымъ подраженіямъ Западу, равнялась ея вѣрѣ въ Бога и въ безсмертіе души. Глубоко понимала она значеніе этого духа и съ восхищеніемъ слѣдила за его проявленіемъ въ русскомъ народѣ, который она такъ хорошо знала!

Какъ та русская женщина[1]), завѣщавшая вырѣзать на могильной своей плитѣ мысль, руководившую всею ея жизнью: «Прошу православныхъ русскихъ, проходящихъ здѣсь, помолиться за рабу Божію, дабы услышалъ Господь ея молитву у престола Всевышняго о сохраненіи духа русскаго», такъ и Вѣра Ивановна всю свою жизнь болѣла душою объ этомъ духѣ, о временномъ затмеваніи его и объ отсутствіи любви къ родинѣ тѣхъ, которые, сознательно или безсознательно способствуютъ распространенію этого печальнаго явленія.

Чѣмъ ближе я съ нею сходилась, тѣмъ яснѣе понимала милостивое расположеніе, оказываемое ей нашими царями, въ особенности государемъ Николаемъ Павловичемъ, котораго она такъ беззавѣтно любила и уважала.

Какъ человѣкъ и какъ царь, онъ былъ для нея идеаломъ русскаго монарха, и ей страстно хотѣлось, чтобъ всѣ знали и понимали его такъ, какъ она его понимала. Когда я ей сказала, что Николай Карловичъ Шильдеръ пишетъ исторію Николая I, ее это очень взволновало, и она при каждомъ нашемъ свиданіи спрашивала меня про него, просила узнать, подвигается ли его трудъ, и

---

[1]) Княгиня Евдокія Голицына, рожденная Измайлова (1780—1850); похоронена въ Невской лаврѣ, въ церкви Сошествія Св. Духа.

всячески старалась догадаться, какого онъ мнѣнія о ея любимомъ царѣ. Она мучилась мыслью, что Николай Карловичъ не довольно про него знаетъ и будетъ судить о немъ поверхностно, какъ другіе о немъ судятъ. Сколько разъ слышала я отъ нея такія слова: «Какъ бы мнѣ хотѣлось его видѣть! Я бы ему объяснила, я многое бы ему открыла, чего онъ нигдѣ не прочтетъ и ни отъ кого не услышитъ!... Этого царя такъ мало знаютъ и всегда были къ нему несправедливы. Но время докажетъ, какой это былъ великій человѣкъ. Россія прозрѣетъ. И если для этого нужно, чтобъ Господь горемъ и слезами открылъ ей глаза, надо благословлять это горе, эти слезы. Я до этого не доживу, но, когда меня не станетъ, вспомните мои слова»...

Съ Н. К. Шильдеромъ ей удалось познакомиться въ прошломъ году, и знакомство это привело ее въ восхищеніе. Когда я къ ней пріѣхала въ декабрѣ 1901 года, первыя ея слова были объ этомъ свиданіи и объ отрадномъ впечатлѣніи, произведенномъ на нее Шильдеромъ. «Я именно о такомъ благородномъ и изящномъ историкѣ мечтала для моего любимаго царя!»—повторяла она съ восхищеніемъ. «Какое счастье, что мнѣ передъ смертью удалось его видѣть!»

Неожиданная его смерть очень горестно ее поразила. «Пишу вамъ въ слезахъ, поражена внезапной кончиной дорогого Н. К. Шильдера! Это потеря для Россіи, это особенная потеря для меня! Утѣшиться не могу!»—писала она мнѣ 8-го апрѣля 1902 года.

На цѣлыхъ четырехъ страницахъ изливаетъ свое горе девяностолѣтняя женщина о томъ, что скончался историкъ, не успѣвъ окончить полезный для отечества трудъ!

А черезъ двѣ недѣли, въ письмѣ отъ 27 апрѣля, она опять возвращается къ Шильдеру: «Не осушаю глазъ по смерти генерала Шильдера, незабвеннаго. Эта утрата незамѣнима для меня!»

Это было ея послѣднее письмо: черезъ десять дней, 7-го мая, я получила депешу объ ея кончинѣ.

Параллельно съ благоговѣйною любовью къ государю Николаю Павловичу и къ родинѣ и какъ бы сливаясь съ нею, горѣла въ ея сердцѣ, ни на минуту не ослабѣвая, любовь къ ея покойному мужу, выдвигаясь съ лѣтами все ярче и ярче, передъ всѣми прочими чувствами, наполнявшими ея душу. Безъ сомнѣнія, она безконечно любила его впродолженіе всей ихъ долгой совмѣстной жизни, и никогда не было для нея человѣка милѣе и дороже его на свѣтѣ, но чѣмъ ближе подходила къ ней смерть, тѣмъ ярче разгорался передъ ея духовными очами его нравственной обликъ во всей своей красотѣ. Любовь ея къ нему возростала по мѣрѣ приближенія свиданія съ нимъ тамъ, гдѣ нѣтъ разлуки. Послѣдніе два года она почти исключительно жила воспоминаніями о немъ и, если переставала сокрушаться, что до сихъ поръ не оцѣненъ по достоинству ея любимый царь Николай I, то для того только, чтобъ съ тревогою себя спраши-

вать, успѣетъ ли она увѣковѣчить память мужа въ запискахъ, которыя начала писать исключительно съ этою цѣлью.

Самая мысль писать записки явилась у нея одновременно со смертью этого лучшаго ея друга, при сознаніи тяжкаго одиночества, угнетавшаго все ея существо среди шумнаго свѣтскаго общества и многочисленной семьи.

— «Когда меня привезли съ кладбища, я была въ такомъ оцѣпенѣніи, что не могла ни плакать, ни молиться, — разсказывала она мнѣ лѣтомъ 1900 года. Дѣти, растревоженныя моимъ нравственнымъ состояніемъ, боялись оставить меня одну. А именно этого и жаждала моя душа, истерзанная необходимостью себя насиловать передъ друзьями и знакомыми на мучительной церемоніи похоронъ. Я была такъ измучена, что, казалось, только наединѣ съ самой собою мнѣ можно будетъ облегчить сердце слезами и мыслями о немъ. Когда я вошла въ спальню и увидѣла невдалекѣ отъ моей одинокой кровати маленькую дѣтскую кроватку, робко прижимавшуюся къ уголку, мнѣ стало досадно, и, должно быть, неудовольствіе очень краснорѣчиво отразилось на моемъ лицѣ, потому что меньшая моя дочка бросилась передо мною на колѣни и со слезами стала меня умолять позволить спать въ одной комнатѣ со мною. Мнѣ стало совѣстно за эгоистическое желаніе одиночества, на которое я не имѣла права, какъ мать семьи, не имѣвшей теперь другой опоры, кромѣ меня, на свѣтѣ, и я, скрѣпя сердце, согласилась на ею мольбу. Но заснуть я не могла. Саша моя уже давно покоилась крѣпкимъ сномъ, успокоился и забылся во снѣ весь домъ, а я все продолжала мучиться раздирательными впечатлѣніями минувшаго дня и рваться сердцемъ къ могилѣ, гдѣ лежало все, что составляло мое счастье на землѣ. Однако, мало-по-малу, къ безотрадному настоящему начали примѣшиваться воспоминанія изъ прошлаго, припоминались отдѣльныя сцены изъ этого незабвеннаго прошлаго, которое онъ, какъ свѣтлымъ лучемъ, оживлялъ и украшалъ, такъ что самыя горести и непріятности, пережитыя съ нимъ тогда, казались мнѣ теперь отрадными, въ сравненіи съ мрачною пустотою настоящаго. Невольно перебирая въ умѣ знавшихъ его людей, при случайныхъ столкновеніяхъ на жизненномъ пути, мнѣ стало жутко при мысли, что бóльшая часть изъ нихъ уже отошла въ вѣчность, и что когда уйду и я, некому будетъ разсказать нашимъ дѣтямъ, что за человѣкъ былъ ихъ отецъ, и какъ онъ любилъ и служилъ Россіи.

«Мысль эта казалась мнѣ убійственнѣе самой смерти. Со смертью нельзя не примириться, какъ съ неизбѣжнымъ, роптать на которое для христіанки грѣшно, но не могла я примириться съ забвеніемъ, съ несправедливостью, съ равнодушіемъ и съ клеветой, грозившими памяти моего мужа, если никто не озаботится объяснить его чудную, свѣтлую душу потомству. Я чувствовала, что съ этою мыслью жизнь будетъ для

меня нестерпимой душевной пыткой, и что я должна, насколько хватитъ силъ и умѣнія, оградить его память отъ злыхъ, отъ заблуждающихся, отъ верхоглядовъ, ото всѣхъ, кому понадобится, для какихъ бы то ни было цѣлей посягнуть на чистоту этой души, хотя бы отдаленнѣйшимъ намекомъ на слабость, на заблужденіе или на несправедливость. Не было у него ни слабостей, ни колебаній, ни заблужденій тамъ, гдѣ дѣло шло о долгѣ, о любви къ родинѣ и преданности царю. Никто лучше меня не можетъ это доказать, и отклоняться отъ этого долга было бы преступленіемъ. Для чего же училъ онъ меня всю жизнь, словами, и примѣромъ ставить долгъ выше всего, если я не исполню его завѣта, пока время еще не ушло, пока въ памяти все свѣжо, и пока живы нѣкоторые изъ тѣхъ, которые могутъ мнѣ помочь собрать необходимыя доказательства истины моихъ словъ? Нельзя забывать, что безъ доказательствъ добру не повѣрятъ, что надо навязывать силою неопровержимыхъ фактовъ вѣру въ хорошее, тогда какъ злу всѣ расположены вѣрить безъ доказательствъ, по свойственному человѣчеству стремленію видѣть его всюду и искать въ немъ оправданіе тому злу, которымъ полны сердца большинства людей.

«Начинало свѣтать. Осторожно, чтобы не разбудить Саши, сошла я съ постели и подошла къ столу у окна, въ которое, сквозь драпировку, уже вливался свѣтъ туманнаго петербургскаго утра, начала набрасывать карандашомъ исторію моей жизни, такъ тѣсно связанную съ жизнью дорогого моего покойника, что отдѣлить ихъ одну отъ другой нѣтъ никакой возможности»...

Вотъ происхожденіе записокъ Вѣры Ивановны Анненковой, начатыхъ послѣ смерти мужа въ 1867 году и прерванныхъ ея смертью 7-го мая 1902 года.

Она мнѣ ихъ сама читала, когда я гостила у нея два года тому назадъ въ ея имѣніи Харьковской губерніи, гдѣ она жила молодой дѣвушкой, гдѣ вѣнчалась съ страстно любимымъ человѣкомъ, въ маленькой деревянной церкви въ саду, до сихъ поръ существующей, и гдѣ провела много лѣтъ, занимаясь воспитаніемъ своихъ дѣтей и внучекъ и благосостояніемъ крестьянъ, вмѣстѣ съ мужемъ и одна, когда онъ покидалъ ее для службы, на которую цари призывали его въ затруднительныя минуты.

Позволю себѣ повторить ея словами одинъ такой случай.

«Крымская война была уже объявлена, но въ Петербургѣ всѣ были заняты не войной, а Рашелью. О ней говорили несравненно больше, чѣмъ о коалиціи противъ насъ западныхъ державъ. Упованіе на прозорливость нашего государя и на не побѣдимую мощь нашего войска, а также свойственная намъ безпечность, были такъ велики, что никому не приходило въ голову предвидѣть неудачу. Отъ людей, позволявшихъ себѣ предсказывать худое, отворачивались съ негодованіемъ, какъ отъ плохихъ патріотовъ. Всѣмъ

хотѣлось видѣть Рашель, и намъ съ большимъ трудомъ удалось достать ложу. Разумѣется, мужъ долженъ былъ намъ сопутствовать, безъ него и радость намъ была не въ радость. Дочери наши были въ восторгѣ. Вдругъ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать, мы были уже одѣты, и карета была подана, является посланецъ изъ дворца. Когда онъ ушелъ, я пришла въ кабинетъ, чтобъ узнать, въ чемъ дѣло. «Ничего еще не знаю, но государь меня требуетъ къ себѣ. Поѣзжайте въ театръ безъ меня»,—объявилъ мнѣ мужъ. Можно себѣ представить, въ какомъ волненіи я провела весь спектакль, отъ котораго не отказалась только ради дѣтей, самой же мнѣ было уже не до театра. Не въ первый разъ государь посылалъ за моимъ мужемъ, чтобъ давать ему порученія, и каждый разъ послѣ этого онъ уѣзжалъ надолго и далеко. Никогда, конечно, ему даже и въ голову не приходило отказываться отъ этихъ порученій, какъ бы трудны и щекотливы они ни были; довѣріе обожаемаго монарха онъ такъ цѣнилъ, что если бы, кажется, государь потребовалъ отъ него, какъ Господь отъ Авраама, чтобъ онъ принесъ ему въ жертву собственнаго ребенка, то онъ и это повелѣніе безпрекословно бы исполнилъ, не взирая на свою нѣжность къ дѣтямъ. Впослѣдствіи онъ доказалъ и преемнику государя Николая Павловича, Александру II-му, свою беззавѣтную преданность, провожая тѣло наслѣдника престола изъ Ниццы въ Кронштадтъ, не взирая на увѣщанія докторовъ, находившихъ такое путешествіе моремъ для него крайне опаснымъ послѣ тяжелой болѣзни, отъ которой онъ еще не оправился. Опасенія докторовъ оправдались: организмъ его, истощенный болѣзнью, не вынесъ новаго потрясенія, и вскорѣ послѣ исполненія этого послѣдняго царскаго порученія онъ скончался.

«Но вернемся къ 1854 году. Насилу дождалась я конца спектакля, чтобъ вернуться домой и узнать, для чего государь посылалъ за моимъ мужемъ. Когда мы остались вдвоемъ въ спальнѣ, вотъ что онъ мнѣ разсказалъ: «Государя я нашелъ одного въ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ, облокотившись надъ какой-то бумагой, опустивъ голову на руки, и до такой степени былъ погруженъ въ думы, что онъ не слышалъ, какъ отворилась дверь, и какъ я вошелъ. Доложивъ обо мнѣ, камерлакей вышелъ, а я остановился противъ государя въ ожиданіи. Ждалъ я долго, такъ мнѣ показалось, по крайней мѣрѣ. Лицо царя было очень блѣдно и такъ скорбно, что сердце сжималось тяжелымъ предчувствіемъ. Наконецъ онъ поднялъ голову, и я увидѣлъ, что по лицу его текли слезы.

«— Вотъ, прочти это,—сказалъ царь, подавая мнѣ бумагу, надъ которой онъ, русскій самодержавный царь, плакалъ горькими слезами, какъ заплакалъ бы послѣдній изъ его подданныхъ отъ людской низости и коварства. — Я приказалъ запереть портъ и не

выпускать изъ него ни зерна русскаго хлѣба: это было нужно для спасенія нашей арміи, нашей чести, а они осмѣлились меня ослушаться, пропустили два корабля, нагруженныхъ хлѣбомъ, дали себя подкупить врагамъ... продали родину... Поѣзжай туда, надо все изслѣдовать... Когда мнѣ нуженъ человѣкъ съ сердцемъ и съ умомъ, я всегда вспоминаю про тебя...

«Передавая мнѣ эти слова государя, мужъ мой былъ такъ взволнованъ, такъ восхищенъ довѣріемъ царя, что признательностью своею, любовью и преданностью заразилъ и меня. Въ эту ночь я даже не посмѣла у него спросить, когда именно надо ему ѣхать, и долго ли будетъ продолжаться наша разлука».

Я позволила себѣ привести здѣсь этотъ эпизодъ изъ записокъ Вѣры Ивановны, много разъ мнѣ ею повторенный и всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, чтобъ дать понять о человѣкѣ, котораго она оплакивала до конца жизни и ради котораго писала свои воспоминанія. Когда воспоминанія эти появятся въ свѣтъ, читатели въ нихъ найдутъ множество подробностей, характеризующихъ этого настоящаго русскаго человѣка, по силѣ и цѣльности характера, по искренности, скромности и добродушію. Но у него были враги, завистники, были также люди, не способные понимать величіе его души, а отзывы такихъ недоброжелателей, съ ихъ бездоказательными намеками на несуществующія слабости человѣка, неизмѣримо выше ихъ стоящаго въ нравственномъ отношеніи, часто бываетъ труднѣе опровергнуть, чѣмъ настоящую злобную и умышленную клевету. Вотъ почему поучительно прослѣдить всю его жизнь по его собственноручнымъ письмамъ и по воспоминаніямъ ближайшаго къ нему по духу существа, его жены, чтобъ понять, какіе были люди между окружающими государя Николая Павловича.

Права была Вѣра Ивановна, повторяя мнѣ за мѣсяцъ до смерти, что величайшее ея желаніе—возстановить память мужа въ глазахъ потомства.

— А то вѣдь теперь все такъ быстро мѣняется, что скоро совсѣмъ забудутъ, что были на свѣтѣ такіе люди, — прибавила она съ печальной улыбкой.

Эту ея постоянную и часто высказываемую заботу найдутъ, можетъ быть, странной и смахивающей на манію. Пусть такъ. Но какая это была высокая и прекрасная манія! Какъ достойна она была ихъ обоихъ, и той, что вздохновлялась ею, и того, кто ее вдохновилъ ею!

Отрадно мнѣ было перечитывать съ нею письма, написанныя въ труднѣйшія минуты его жизни, съ ревизій, на которыя посылалъ его великій князь Михаилъ Павловичъ (при которомъ онъ состоялъ съ юныхъ лѣтъ, сначала адъютантомъ, а затѣмъ начальникомъ штаба), а впослѣдствіи государь, поручавшій ему рас-

путывать дѣла, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣла судьба множества людей. Отрадно было знакомиться съ его мыслями и чувствами, когда онъ управлялъ южнымъ краемъ въ званіи генералъ-губернатора во время Крымской войны, а потомъ въ Кіевѣ во время польскаго возстанія, слѣдить, можно сказать, изо дня въ день за его сношеніями съ такими историческими личностями, какъ князь Горчаковъ (съ которымъ связывала его тѣснѣйшая дружба до самой смерти), князь Чернышевъ, Ростовцевъ, Муравьевъ, и за переживаемыми душевными муками этого прямого, благороднаго и безхитростнаго человѣка въ борьбѣ съ подлостью, ложью, пронырствомъ, алчностью и эгоизмомъ.

Невольно вспоминались при этомъ образы отошедшихъ въ вѣчность такихъ же, какъ онъ, скромныхъ русскихъ героевъ долга и совѣсти, и выдвигались изъ тумана забвенія ихъ мало оцѣненные потомствомъ подвиги. Тѣмъ изъ насъ, кому по крови близки они эти хорошіе русскіе люди, должно быть отрадно за родину и за молодежь, въ которой, невзирая на наносную съ запада тлетворную блажь, все-таки течетъ благородная кровь и покоятся зародыши такихъ чувствъ, какъ вѣра въ Бога и любовь къ родинѣ, которой предки ихъ благоговѣйно служили, при постоянной мысли о вѣчности въ умѣ и въ сердцѣ.

Насколько достаточно всякому человѣку только беззавѣтно любить родину, чтобъ прозрѣвать, что̀ именно ей на пользу или на пагубу, приведу еще одинъ изъ безчисленныхъ разсказовъ Вѣры Ивановны про ея мужа.

Но, чтобъ выяснить его міросозерцаніе и оградить его память отъ нареканія въ кастовой заскорузлой узкости, напомню въ нѣсколькихъ словахъ о его происхожденіи и воспитаніи.

Дворянинъ очень древняго рода (предокъ его, полоненный царемъ Іоанномъ III въ войнѣ съ татарами, какъ малолѣтній сынъ казненнаго русскими непріятельскаго вождя, воспитывался при великокняжескомъ дворѣ), Николай Николаевичъ Анненковъ родился въ глухой деревнѣ и отъ такихъ бѣдныхъ родителей, что другихъ учителей, кромѣ сельскаго дьячка, у него не было. Четырнадцати лѣтъ отъ роду отправили его на канцелярскую службу въ Петербургъ, гдѣ онъ все свободное время употреблялъ на свое самообразованіе. Можно себѣ представить, какъ это было трудно, если взять въ соображеніе скудость его заработка и пособій, изрѣдка высылаемыхъ ему отцомъ, рѣдкость книгъ и замкнутость тогдашняго образованнаго общества, въ которое бѣдному мальчику безъ покровителей почти немыслимо было попасть. Тѣмъ не менѣе, онъ настолько себя образовалъ, что когда, года два спустя, благодаря счастливой случайности, ему удалось поступить нижнимъ чиномъ въ гвардейскій полкъ, онъ уже зналъ, чему именно ему нужно учиться дальше, чтобъ сдѣлаться вполнѣ образованнымъ офицеромъ и выдвинуться

по службѣ. По производствѣ въ офицеры, на жалованье, не хватающее его товарищамъ на необходимѣйшія нужды, питаясь солдатскимъ пайкомъ и не позволяя себѣ ни малѣйшаго развлеченія, семнадцатилѣтній мальчикъ находилъ возможность платить за уроки языковъ, математики, танцевъ, всего, что въ то время требовалось отъ людей высшаго общества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ухитрялся одѣваться не хуже и даже лучше, опрятнѣе, многихъ изъ своихъ богатыхъ товарищей. Сколько надо было для этого силы воли, терпѣнія, самоотверженія и нравственной устойчивости, понимали только тѣ, которые сами способны были на такой подвигъ, а такихъ въ то время было немало между дворянами. Богаты были далеко не всѣ, а сколько великихъ государственныхъ людей и военачальниковъ вышло изъ дворянскаго рода, при одинаковыхъ жизненныхъ условіяхъ съ Анненковымъ! Читая въ подлинникѣ его письма на изящномъ и правильномъ французскомъ языкѣ, не вѣришь глазамъ и съ изумленіемъ себя спрашиваешь: неужели это писалъ человѣкъ, воспитывавшійся безъ гувернеровъ, безъ учителей, въ глухой деревушкѣ, а затѣмъ, одновременно съ копотливой службой въ глухой канцеляріи, а позднѣе въ полку, образовавшій себя на гроши изъ скуднаго жалованья? Какъ и другой русскій человѣкъ, Болотовъ, тоже дворянинъ изъ бѣдныхъ [1]), съ жадностью пользовался Анненковъ каждымъ случаемъ просвѣтиться, разработывая собственнымъ умомъ, безъ посторонней помощи, намеки на великія міровыя идеи и отрывки изъ произведеній историковъ и поэтовъ, которые ему удавалось схватывать на лету, скромно прислушиваясь къ спорамъ и разговорамъ, что̀ велись въ его присутствіи у важныхъ родственниковъ между образованными людьми, а также изъ книгъ, изрѣдка и случайно попадавшихъ въ его руки, не переставая при этомъ заниматься службой такъ усердно, что исполнительность его была замѣчена великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, который приблизилъ его къ себѣ.

Но и въ званіи адъютанта и позже, подвигаясь въ чинахъ при увеличивающемся служебномъ трудѣ и отвѣтственности, не прекращалъ онъ своего самообразованія, такъ что вполнѣ справедливо слылъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей своего вѣка, въ кругу такихъ людей, какъ Пушкинъ, Карамзинъ, Жуковскій и другіе.

А какой онъ былъ образцовый помѣщикъ! Про это можно узнать и теперь отъ дѣтей тѣхъ крестьянъ, которыми онъ владѣлъ въ своихъ и жениныхъ родовыхъ имѣніяхъ. Тамъ до сихъ поръ благословляютъ его, какъ благодѣтеля; тамъ все хорошее, полезное, что послѣ его смерти дѣлала для народа его вдова, и продолжаютъ дѣлать ея внучки, есть не что иное, какъ продолженіе начатаго имъ, по его планамъ и начертаніямъ. Задолго до эмансипа-

[1]) Авторъ извѣстныхъ мемуаровъ.

ціи крестьянъ въ имѣніяхъ его были школы, и господа всѣми средствами помогали и учили крестьянъ улучшать свое хозяйство и увеличивать свое благосостояніе.

И вотъ какъ этотъ человѣкъ, котораго ужъ никоимъ образомъ нельзя упрекнуть въ дворянской лѣни и баловствѣ, въ эксплуататорствѣ чужого труда и въ непониманіи великаго значенія просвѣщенія, вотъ какъ онъ, по словамъ Вѣры Ивановны, относился къ одному изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ эпохи реформъ, до сихъ поръ еще далеко не выясненному и поднимающему страстные споры въ нашемъ обществѣ.

«Онъ засѣдалъ тогда въ государственномъ совѣтѣ. Разъ какъ-то пріѣзжаетъ домой съ засѣданія такой разстроенный, что я съ испугомъ спросила: «Что съ нимъ? Что случилось?» — «Случилось страшное, непоправимое несчастье для Россіи,—отвѣчалъ онъ:—подписано большинствомъ голосовъ рѣшеніе о всесословномъ образованіи».

Вотъ какъ онъ и ему подобные понимали этотъ до сихъ поръ открытый вопросъ!

Очень скоро полюбила я Вѣру Ивановну и сблизилась съ нею. Прочтешь, бывало, или узнаешь что нибудь интересное, касающееся дорогихъ сердцу вопросовъ, въ политическомъ или въ литературномъ мірѣ, и тотчасъ же потянетъ къ ней подѣлиться впечатлѣніями, въ полной увѣренности всегда найти въ ней живое, страстное сочувствіе. Ѣдешь къ ней и съ дурными вѣстями и съ тяжелыми впечатлѣніями, чтобъ вмѣстѣ погоревать надъ торжествомъ зла и послушать ея всегда умную, полную упованія на благость промысла Божія, рѣчь, и уѣдешь отъ нея успокоенная, съ обновленной вѣрой въ несокрушимую мощь родины, съ надеждой на ея свѣтлое будущее.

«Все минуетъ, обойдется, уляжется, а Россія останется Россіей»,—говорила она.

Никогда не забуду я моего разговора съ нею во время коронаціи нынѣ царствующаго Государя. Я пріѣхала къ ней подѣлиться разсказами, слышанными отъ очевидцевъ великаго торжества, и нашла ее въ радостно возбужденномъ настроеніи.

«Увидите, какой онъ послѣ этого будетъ! Вѣдь то, что надъ нимъ совершается теперь, не отъ міра сего, и никогда онъ этого не забудетъ! Вмѣстѣ съ вѣнцомъ царскимъ облечется онъ въ мудрость, въ мужество, будетъ сознательно любить свой народъ и будетъ умѣть имъ управлять, увидите! увидите! Всегда такъ бываетъ!»—повторяла она, точно въ экстазѣ.

Она начала вспоминать коронаціи царей, которыхъ лично знала, Александра III, Александра II, Николая I. Теперь вѣнчали на царство правнука ея любимца, Николая II. Впечатлѣнія такою могучею толпою тѣснились въ ея воображеніи, что ей трудно было въ

нихъ разобраться, и, припоминая ихъ, она невольно примѣшивала къ событіямъ, касавшимся царей, тѣ, съ которыми была связана ея собственная жизнь. Все дальше и дальше уходя въ прошлое, она постепенно молодѣла: навертывалось на память только свѣтлое и жизнерадостное, какъ сама юность, воскресавшая передъ нею. Тонко иронизируя надъ самой собой, разсказала она мнѣ въ шутливомъ тонѣ, между прочимъ, и то, какъ начались ея отношенія съ государемъ Николаемъ Павловичемъ.

Московское дворянство давало царю балъ. Ей минуло пятнадцать лѣтъ. Отецъ повезъ ее на этотъ балъ. Она была такая хорошенькая въ простенькомъ бѣломъ легкомъ платьѣ съ незабудками, что императрица ее замѣтила и спросила ея имя. Но государь, хотя и проходилъ нѣсколько разъ мимо нея, и хотя ему на нее указывали, каждый разъ съ аффектаціей (какъ ей казалось) отъ нея отвертывался. Ее это очень огорчало. Она ужъ и тогда обожала его всей душой, и вниманіе, оказываемое имъ другимъ дѣвицамъ, не могло ея не оскорблять. Она была избалована вниманіемъ общества, въ которомъ отецъ ея пользовался симпатіями большинства. Всѣ ей повторяли, что она прелестна, да и сама она не могла этого не сознавать, не даромъ же существуютъ зеркала. За что же такая немилость? И именно отъ того, которому ей особенно хотѣлось понравиться? Невыносимо раздражали ее разспросы пріятельницъ: «Подходилъ къ вамъ государь? Что онъ вамъ сказалъ? Приглашалъ онъ васъ танцовать?» И обидное изумленіе на ея отрицательные отвѣты: «Странно! Всѣ говорятъ, что вы царица бала, что лучше васъ никто не танцуетъ, и что императрица васъ похвалила»...

Вечеръ такъ и прошелъ безъ малѣйшаго къ ней отъ него вниманія.

При слѣдующихъ встрѣчахъ то же самое. Положительно можно было думать, что государь на нее сердитъ. Она была въ отчаяніи. Свѣтъ ей опротивѣлъ, и когда дворъ покинулъ Москву, и празднества прекратились, она обрадовалась, что все войдетъ въ прежнюю колею, и что ей больше не представится случая подвергаться обидному невниманію царя.

Вскорѣ она узнала причину такой немилости: кто-то изъ многочисленныхъ ея родственниковъ сказалъ ей, что государь недоволенъ ея отцомъ, сенаторомъ Бухаринымъ. Ее это опечалило еще больше и привело въ недоумѣніе. Можно ли было не любить ея отца, любезнѣйшаго и добродушнѣйшаго изъ людей, любимца государя Александра Павловича, остроумнаго, веселаго, со всѣми привѣтливаго, русскаго барина въ пріятнѣйшемъ смыслѣ этого слова?

Однако, это было такъ. Государь, будто бы, такъ про него выразился: «А что, Бухаринъ все фрондируетъ?»

И, должно быть, фрондерство это ему очень не нравилось, потому что онъ изъ-за него не только не взлюбилъ сенатора, но и

не хотѣлъ обращать вниманія на его хорошенькую и ни въ чемъ неповинную дочку. Очень это было обидно и грустно.

Большой свѣтъ еще болѣе ей опротивѣлъ. Она совсѣмъ перестала мечтать о представленіи ко двору и о встрѣчахъ съ царемъ. Къ чему, если онъ всегда будетъ отъ нея отвертываться?

Наступило лѣто, и пріѣхалъ въ Москву пить воды, въ новооткрытомъ заведеніи минеральныхъ водъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Садъ при минеральныхъ водахъ сдѣлался моднымъ мѣстомъ для гулянья всего нарядаго и веселящагося московскаго общества.

При встрѣчахъ съ нею въ этомъ саду великій князь не только обратилъ на нее вниманіе, но и осыпалъ ее любезностями, подолгу съ нею разговаривалъ и былъ милостивъ къ ея отцу. При немъ былъ адъютантъ Анненковъ, красивый серіозный молодой человѣкъ, къ которому всѣ относились съ уваженіемъ. Онъ съ перваго взгляда въ нее влюбился безъ памяти, и какъ ни старался это скрыть, она не могла этого не замѣтить. Но въ то время отецъ ея самымъ прелестнѣйшимъ образомъ разорялся, доходы съ имѣній замѣтно уменьшались, и ей все чаще и чаще приходилось слышать отъ тетушекъ, дядюшекъ и кузинъ намеки на то, что ей непремѣнно надо выйти замужъ за богатаго. То же самое повторяли и въ городѣ, и Анненковъ не могъ этого не слышать, а такъ какъ состоянія у него не было никакого, то ему ничего больше не оставалось, какъ удалиться и уступить свое мѣсто болѣе счастливому, чѣмъ онъ.

Ей разговоры о богатыхъ женихахъ были очень непріятны, и съ тѣхъ поръ, какъ она прочитала «Грандиссона», ничего ей такъ не хотѣлось, какъ сдѣлаться женой добродѣтельнаго молодого человѣка, похожаго на героя этого романа. А Николай Николаевичъ Анненковъ былъ вылитый Грандиссонъ. Но если отцу вздумается выдать ее за другого, то ей ничего больше не останется дѣлать, какъ повиноваться. Къ счастью, сенаторъ Бухаринъ самъ слишкомъ хорошо понималъ прелесть любви, чтобъ лишать этого счастія дочь, и однажды онъ ей сказалъ, что хотя они разорены, и хорошо было бы, если бы она, для поправленія обстоятельствъ, вышла за сватавшагося за нее жениха, однако насиловать ея чувствъ онъ не желаетъ. Богачъ былъ ей противенъ, и претензіи его были деликатно отстранены.

Прошло еще два года. Анненковъ воевалъ въ Турціи и въ Польшѣ. Между тѣмъ, какъ-то лѣтомъ, судьба закинула ее въ Петербургъ, гдѣ она съ нимъ встрѣтилась у родственницы, серіозно занявшейся благополучнымъ окончаніемъ зародившагося романа. Теперь достигнуть этого было легче прежняго: Анненковъ отличился на войнѣ, расположеніе великаго князя къ нему всѣмъ было извѣстно, и передъ нимъ развертывалась блестящая карьера, а се-

наторъ Бухаринъ все больше и больше разорялся, такъ что разстояніе между влюбленными значительно сократилось. Смѣло пошелъ «Грандиссонъ» на приступъ ея сердца и очень скоро окончательно его завоевалъ. Почва и въ этомъ отношеніи была подготовлена: впечатлѣніе, произведенное имъ на нее, было много глубже, чѣмъ она сама это сознавала, и когда онъ признался ей въ любви, она уже давно его любила и давно дала себѣ слово быть его или ничьей.

По выходѣ замужъ, ей опять пришлось встрѣтиться съ государемъ во дворцѣ великаго князя и въ качествѣ супруги его любимаго адъютанта. Казалось, положеніе ея настолько измѣнилось, что можно было бы забыть фрондерство ея отца. Не говоря ужъ о томъ, что она сдѣлалась дамой и перемѣнила фамилію, и что императрица, которой она была офиціально представлена, была къ ней милостива, и что она пользовалась расположеніемъ великаго князя и великой княгини, отношенія ея къ государю оставались натянутыми. У него была удивительная память, и при частыхъ встрѣчахъ во дворцѣ у брата, со всѣми обаятельно любезный, онъ продолжалъ относиться къ дочери фрондера съ оскорбительною холодностью. Ей это было такъ больно и приводило ее въ такое смущеніе, что она всегда чувствовала себя въ присутствіи царя глупой и некрасивой, что, разумѣется, усиливало ея конфузъ.

И вотъ въ одинъ пасмурный день, въ Ораніенбаумѣ, когда парадъ вслѣдствіе дурной погоды былъ отмѣненъ, и близкіе ко двору великаго князя собрались въ его дворецъ на интимный вечеръ, пріѣхалъ государь и предложилъ играть въ веревочку. Petits jeux были въ модѣ при дворѣ. Неохотно взялась и она за веревочку. Вскорѣ государь попалъ въ кругъ и началъ искать, кого бы ударить по рукѣ, чтобъ занять мѣсто зазѣвавшагося. И, вѣроятно, ея задумчивый видъ привлекъ его вниманіе, а, можетъ быть, ему захотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобъ порвать натянутыя отношенія, существовавшія между ними по причинѣ, извѣстной одному ему, такъ или иначе, но она вдругъ почувствовала такой сильный ударъ по рукѣ, что чуть не вскрикнула, и, поднявъ глаза, встрѣтилась со смѣющимися глазами государя. Онъ тотчасъ же заговорилъ съ нею, какъ со старой знакомой, и съ тѣхъ поръ пріятельскія отношенія между ними никогда не прерывались.

Какъ ей было пріятно вспоминать этотъ эпизодъ изъ ранней молодости! Ея милые глаза искрились отъ удовольствія, а на губахъ блуждала веселая, молодая улыбка.

И какъ знакомо мнѣ было все, что она говорила! Точно я знала ее всю мою жизнь...

Да я и знала ее съ тѣхъ поръ, какъ себя помнила. Въ ея время всѣ хорошія женщины были похожи одна на другую, всѣ онѣ мыслили и дѣйствовали одинаково. Разнообразія было мало.

Слушая ее и глядя на нее, читая ея письма, мнѣ казалось, что я вижу и слушаю мою тетушку Вѣру Николаевну Воейкову [1]), у которой я проводила въ ранней юности каждое лѣто по нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ. Та же страстная любовь къ родинѣ, та же теплая вѣра въ Бога, та же беззавѣтная преданность царю, не только какъ къ личности, но и какъ къ представителю русскаго народа, то же знаніе этого народа и блестящее воспитаніе, та же прямолинейность въ убѣжденіяхъ и рѣзкое, неумолимое разграниченіе между добромъ и зломъ, между тѣмъ, что можно, и что нельзя. Какъ у нихъ все было просто и ясно! Какъ непонятны имъ были колебанія, компромиссы, уловки и лазейки, изобрѣтаемые современнымъ прогрессомъ для извиненія всякой гадости, низости и слабодушія! При Вѣрѣ Николаевнѣ Воейковой, напримѣръ, нельзя было даже и упоминать о такомъ простомъ и не нуждающемся въ настоящее время въ извиненіи поступкѣ, какъ провозъ куска кружевъ безъ пошлины, на зло таможеннымъ чиновникамъ. Никогда не забуду я, какъ, однажды мы всѣ переконфузились за даму, начавшую при ней разсказывать, какъ ей удалось провезти кусокъ кружевъ въ муфтѣ изъ-за границы. Не вполнѣ еще понимая, въ чемъ дѣло, и раскрывая все шире и шире глаза, Вѣра Николаевна устремила ихъ съ такимъ обиднымъ негодованіемъ на разсказчицу, что мы поспѣшили прервать разговоръ, не давъ неріятному замѣчанію сорваться съ ея губъ. Помню также смѣшной, но полный глубокаго значенія случай съ одной изъ ея внучатныхъ племянницъ, которая развелась съ мужемъ и, вернувшись изъ заграничнаго путешествія обвѣнчанная съ другимъ, явилась къ бабушкѣ возвѣстить о своемъ новомъ бракѣ. Она такъ и уѣхала, не будучи въ состояніи этого сдѣлать—бабушка ея не поняла. Она не могла понять, чтобъ можно было при живомъ мужѣ обвѣнчаться съ другимъ.

Вѣра Ивановна Анненкова на цѣлыхъ тридцать лѣтъ пережила Вѣну Николаевну Воейкову, и при ней за послѣднее время столько свершилось разводовъ, что не вѣрить и не признавать этого явленія ей ужъ нельзя было, но и она также этимъ возмущалась и не могла свыкнуться съ необходимостью волей-неволей примириться съ этимъ, по ея мнѣнію, возмутительнымъ фактомъ.

Какъ женщина свѣтская, она умѣла собою владѣть, но сколько было затаенной ироніи въ улыбкѣ, съ которой она выслушивала

---

[1]) Урожденная Львова, племянница Державина и воспитывавшаяся въ его домѣ съ двумя своими сестрами—Елисаветой Николаевной, вышедшей замужъ за Ѳедора Петровича Львова, отца извѣстнаго музыканта Алексѣя Ѳедоровича Львова, и Прасковьей Николаевной, бывшей замужемъ за Бороздинымъ. Братья ихъ—Александръ Николаевичъ Львовъ былъ женатъ на Мордвиновой, дочери извѣстнаго Николая Семеновича Мордвинова, а Леонидъ Николаевичъ на Козляниновой. Эти Львовы наслѣдовали состояніе Державина.

разсказы о томъ, какъ счастливо устроились послѣ развода такой-то или такая-то! Она слишкомъ хорошо знала, что̀ такое настоящее счастье и истинная любовь, какъ послѣдняя усиливается со временемъ, и какъ ее ничѣмъ, даже смертью, нельзя побѣдить.

Жили въ ея время бо̀льшею частью въ деревнѣ, занимаясь воспитаніемъ дѣтей, съ помощью гувернантки, съ которой семья не прерывала дружественныхъ отношеній до самой смерти, такъ что бывшая «наемница» (какъ себя теперь съ горькой ироніей называютъ воспитательницы) часто продолжала читать наставленія не только своимъ замужнимъ воспитанницамъ, но и братьямъ ихъ, давно женатымъ и занимающимъ важныя государственныя должности.

И самое времяпровожденіе было одинаково: утромъ занятія съ дѣтьми и по хозяйству, бесѣды съ бабами и мужиками, лѣзущими за всякой своей нуждишкой къ господамъ, за лѣкарствомъ, за совѣтомъ, за помощью. Въ промежуткахъ—рисованіе, рукодѣліе, музыка. Вечеромъ чтеніе за большимъ круглымъ столомъ при свѣтѣ масляной лампы, или домашній концертъ, пѣніе, декламація любимыхъ поэтовъ. Какъ любимѣйшее занятіе — письма къ близкимъ, длинныя и тщательно переписанныя, отражающія, какъ въ зеркалѣ, невинныя радости и волненія чистой жизни...

Съ пріѣздомъ отца и взрослыхъ сыновей домъ на время оживлялся, устроивались прогулки по окрестностямъ, кавалькады, приглашались сосѣди, всегда съ разборомъ, особенно тамъ, гдѣ дочери были невѣсты. Къ романамъ между молодежью относились болѣе чѣмъ строго, даже съ ужасомъ, какъ къ опаснымъ для молодой души потрясеніямъ, оставляющимъ слѣдъ на всю жизнь. «Она уже будетъ лишена счастья сказать своему мужу, что никого до встрѣчи съ нимъ не любила», говорила Вѣра Николаевна Воейкова и при этомъ вспоминала съ умиленіемъ свою первую и послѣднюю любовь къ мужу, по которомъ всю свою жизнь носила трауръ, невзирая на то, что была еще молода и красива, когда его лишилась.

Такъ думала и чувствовала и Вѣра Ивановна Анненкова, которую я не иначе могу себѣ представить, какъ окруженную книгами и портретами ея покойнаго мужа.

Сверстницы ея, одного съ нею общества и воспитанія, такъ же, какъ и она, не взирая на богатство и на блестящее общественное положеніе, ничего такъ не любили, какъ жить въ деревнѣ, въ красивой живописной мѣстности и при самой простой обстановкѣ,— такой простой, что ни одна изъ современныхъ петербургскихъ чиновницъ, существующая на жалованье мужа, не примирилась бы съ такою жизнью. Я жила въ такихъ домахъ, въ то время, когда современная культура ихъ еще не коснулась; всѣ они, большею частью, даже по размѣру комнатъ и по расположенію ихъ, похожи одинъ на другой: много воздуха, много свѣта, много удобствъ для

умственныхъ занятій, чтобъ писать письма, дѣлать выписки изъ интересныхъ книгъ, записывать впечатлѣнія, вести дневники, составлять конспекты дѣтямъ изъ исторіи, географіи, литературы. Богатая, собранная нѣсколькими поколѣніями образованныхъ людей, библіотека; прочная, но куда какая неудобная, жесткая мебель! Шкафчики изъ краснаго и изъ розоваго дерева съ сувенирами, массивные буфеты съ фамильнымъ серебромъ и сервизами, вынимаемыми только въ торжественныхъ случаяхъ, такъ рѣдко и такъ бережливо, что никогда не требовали ни подновленія, ни пополненія.

Въ такомъ вкусѣ, съ отпечаткомъ старины на каждомъ предметѣ, обставлена была и половина Вѣры Ивановны Анненковой въ ея деревенскомъ домѣ. Въ остальныхъ комнатахъ можно было видѣть предметы роскоши и искусства разныхъ эпохъ минувшаго столѣтія, но у нея были только старинныя вещи, напоминавшія ей молодость. Среди нихъ ей было уютно и хорошо. Эти нѣмые свидѣтели былого помогали ей забывать настоящее, болѣзни, старость, слабость, одиночество, всѣ жизненныя невзгоды и даже отсутствіе любимаго мужа. Всюду встрѣчала она его дорогія черты; со всѣхъ стѣнъ, со всѣхъ столовъ и этажерокъ смотрѣли на нее его прекрасные глаза, вѣчно юные, вѣчно любящіе и преданные. И нигдѣ столько не занималась она имъ, не проводила съ нимъ такъ много времени, какъ въ Бобровѣ. Съ ранняго утра, послѣ прогулки по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ они вмѣстѣ гуляли, садилась она писать свои воспоминанія о немъ, потомъ читала его письма, говорила о немъ съ людьми, хорошо его помнившими и не скучавшими вспоминать про него. Прислуживалъ ей старый слуга, всю жизнь прожившій въ ихъ домѣ. И часто, глядя на нее и на него, когда онъ съ любовною почтительностью подавалъ ей кушанье или выслушивалъ ея приказанія, я думала: «А вѣдь онъ, навѣрное, думаетъ то же, что и она думаетъ, и ему, такъ же, какъ и ей, настоящее кажется сномъ, а прошедшее дѣйствительностью».

И тутъ опять вспоминалась мнѣ моя молодость и старый деревенскій домъ въ Ольшанкѣ, тетушка Вѣра Николаевна Воейкова, ея старая горничная Ѳедосья Ивановна, съ которой она постоянно ссорилась, никогда не думая съ нею разставаться, и камердинеръ ея Павелъ, до такой степени похожій на камердинера Вѣры Ивановны Анненковой, что я часто невольно перепутывала ихъ имена. Какъ тамъ, въ Ольшанкѣ, такъ и тутъ, въ Бобровѣ, все было одинаково, съ тою только разницей, что тамъ я была молода, не цѣнила прелести окружавшей меня обстановки и наслаждалась ею безсознательно, какъ заурядным явленіемъ, съ которымъ мнѣ еще не разъ придется встрѣтиться въ жизни, а въ Бобровѣ я уже понимала всю восхитительную исключительность такого уцѣлѣвшаго дворянскаго гнѣзда и смотрѣла на него, какъ на обломокъ чего-то давно обрушившагося, изъ котораго никогда больше не воздвигнется ничего похожаго на то, что было.

И такихъ разговоровъ, какъ съ Вѣрой Ивановной, у меня никогда больше ни съ кѣмъ не будетъ.

Не только сплетенъ, но даже намековъ на интимную жизнь окружающаго общества, я никогда отъ нея не слышала. Внѣшній міръ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, для нея не существовалъ. Съ лѣтами какъ мысли ея, такъ и чувства, постепенно расширяясь, возвысились до невозможности останавливаться вниманіемъ на мелкомъ и обыденномъ, на частностяхъ великаго цѣлаго и вѣчнаго, къ которому рвалась ея душа. Съ страстнымъ любопытствомъ читала она газеты, какъ русскія, такъ и иностранныя, съ интересомъ слѣдила за ходомъ развертывающихся передъ нею міровыхъ событій, какъ въ панорамѣ, въ которой настоящее объяснялось для нея пережитымъ прошлымъ, а будущее прозрѣвалось опытомъ и вѣрою въ премудрость Провидѣнія.

Какіе у нея были утѣшительные отвѣты на мучительные и раздражительные вопросы! Какъ всегда вѣрны оказывались ея опредѣленія!

Ужъ и тогда, два года тому назадъ, она очень далеко ушла отъ всего земного и, по собственному ея выраженію, «не жила, а присутствовала при жизни», съ трудомъ и на короткія минуты отрываясь отъ внутренняго своего міра, и для того только, чтобъ подарить кого нибудь изъ окружающихъ улыбкою или ласковымъ словомъ.

Она готовилась къ смерти съ большимъ спокойствіемъ и говорила о ней, какъ о возвращеніи домой изъ долгаго и тяжелаго путешествія. При послѣднемъ моемъ свиданіи съ нею, въ концѣ марта текущаго года, она встрѣтила меня словами: «Проститься со мною пріѣхали?». Но видъ у нея былъ такой бодрый, она такъ внимательно слѣдила за политическими событіями, скорбѣла о бурахъ, тревожилась о нашихъ затрудненіяхъ на Востокѣ, о движеніи въ славянскомъ мірѣ, въ ней было еще столько жизненности, мысли ея были такъ ясны, память такъ свѣжа, что не вѣрилось близости конца.

Какъ всегда, она и при этомъ свиданіи говорила про государя Николая Павловича, про трудное время, переживаемое теперь Россіей, и про своего дорогого мужа, настойчиво повторяя, что ничего такъ не желаетъ, какъ чтобъ Россія поняла свое великое назначеніе на землѣ, чтобъ государь Николай Павловичъ былъ скорѣе оцѣненъ потомствомъ, и чтобъ больше людей на Руси узнало, что за человѣкъ былъ Николай Николаевичъ Анненковъ.

При разставаніи она крѣпко меня обняла и долго и пристально глядѣла мнѣ въ глаза, точно желая досказать этимъ взглядомъ то, чего словами не выразишь, и что она уже давно постигла своею на половину отлетѣвшей въ другой міръ душой.

Н. И. Мердеръ.